

Елена Галинская

«Белеет парус одинокий». К 85-летию книги

О советском писателе В. Катаеве и французском художнике А. Марке

В 1936 году вышла в свет книга Валентина Катаева «Белеет парус одинокий», с тех пор она озаряет радость многие поколения читателей, неся в себе, по словам Дмитрия Быкова, «нечеловеческий заряд счастья». Под обаяние этой повести я попала очень рано, впервые услышав ее, да-да, именно услышав, еще в детском саду: воспитательница Евгения Артамоновна читала нам, шестилеткам, о приключениях одесских мальчишек и о восстании моряков на броненосце «Потемкин». Я внима-

ла ей, затаив дыхание. Детские воспоминания, наверное, самые прочные, и это чтение запомнилось мне навсегда!

Механизм памяти, конечно, сложен, но иногда, чтобы его запустить, нужна всего лишь какая-нибудь малость, безделица, незначительная деталь, знакомый запах, вкус, обрывок фразы, песни. Так, герой романа Пруста окунает в чай печенье и словно открывает шлюз для целого обвала воспоминаний. Уверена, у каждого человека имеется свой набор вещей или действий, способных вызвать глубинные воспоминания с массой подробностей, мело-

чей, интонаций... С книгой Катаева я иногда проделываю фокус а-ля прустовское печенье. От моего детства мало что осталось, но в книжном шкафу до сих пор стоит в твердом коленкоровом голубоватом переплете книга «Белеет парус одинокий. Хуторок в степи» – подарок школьной подруги, и на книжном развороте почерком отличницы – с правильным нажимом и по заранее расчерченным диагональным линиям – написано поздравление с пожеланиями и дата: 16 мая 1958 год.

...Мне десять лет. Впервые на день рождения мама разрешила пригласить не только дворовую шпану и ближайших подружек, но и мальчиков-одноклассников – ожидалась танцы парами! С того дня рождения у меня остались бусы из камней «тигровый глаз» – совсем не детский подарок «мальчика из зажиточной семьи», и эта книга, в самом деле – лучший подарок! Прочитав ее, я получила ярчайшее впечатление на всю жизнь. Книга написана с такой узнаваемостью, с такой отчетливостью, так совпала с красками моего города и детства, что я выучила ее почти наизусть, эпизод за эпизодом. К тому же она подействовала на меня и как некая социальная прививка. Герои повести Петя и Гаврик – это, собственно, Принц и Нищий, и я всей душой понимала, что симпатии мои должны быть на стороне Гаврика, я и сама-то была Гавриком, но все же больше любила Петю. Спустя годы герои Катаева застыли в бронзовой скульптуре посреди маленького сквера на Преображенской улице.

Сегодня о Валентине Петровиче Катаеве и о его произведениях известно все или почти все. Многочисленные исследования, биографии, воспоминания и разговоры воскрешают не только наполненную невероятными событиями жизнь писателя, но и тот феноменальный культурный и исторический контекст, в котором жил он и люди его окружения. Сравнительно недавно я узнала, что любимым художником Валентина Катаева был французский живописец Альбер Марке. Ах, как же мне было отрадно узнать об этом! Значит, наши вкусы совпадают?! Оказывается, советский писатель был лично знаком с французским модернистом, встречался с ним, а один из его морских пейзажей имел прямое отношение к написанию повести «Белеет парус одинокий».

* * *

Художника Марке я узнала еще в студенческие годы, когда штудировала коллекции западного искусства в Эрмитаже и в Музее изобразительных искусств им. Пушкина. Еще в 1923 году в Москве был создан Музей нового западного искусств (ГМНЗИ), основу которого составили отобранные у владельцев знаменитые коллекции картин Сергея Щукина и Ивана Морозова, в том числе пятнадцать картин Марке, приобретенных ими в 1907-1913 годах. Таким образом, ГМНЗИ оказался одним из первых в мире музеев современного искусства, появившись на пять лет раньше нью-йоркского МоМА. Это стало возможным исключительно благодаря коллекционерам Морозову и Щукину, сумевшим по достоинству оценить работы многих современных им западных художников раньше, чем это сделали музеи и коллекционеры других стран.

Небольшие пейзажи Марке, рядком висевшие в музейных залах, изображали «другие берега» – экзотические гавани, неведомые порты и заливы, набережные Сены, виды Парижа, и были чудо как хороши. Тонкие по колориту, наполненные светом, живые, дышащие пространства картин будоражили воображение советских людей и для многих стали «окном в мир»! Кстати, открывшаяся в 2016 году в Москве ретроспективная выставка художника так и называлась: «Альбер Марке. Распахнутое окно». А много раньше об этом пел популярный бард Михаил Кукулевич:

Возьми мольберт, Альбер Марке,
И нарисуй мне Сену,
Туманно-серый Нотр-Дам
И Гамбургский тот порт,
Где парходик все плывет
Сквозь розовые стены,
Где что ни год – счастливый год,
И тихо до сих пор.

Среди большого количества созданных А. Марке пейзажей примерно половину составляют виды Парижа, выполненные в прозрачной технике, легкими мазками, лаконично, с тончай-

Картины Альбера Марке

шей градацией цветовых оттенков. С середины 1900-х годов эти пейзажи дали повод говорить о «Париже Марке», сумевшем передать красоту города просто и поэтично. Вторая наиболее частая тема, к которой обращался Марке, это море. И здесь художник тоже проявил себя как настоящий поэт, выразив в картинах мечту о морском просторе, «абсолютность» водной стихии, вечный диалог моря и неба. Морские пейзажи Марке естественны и пленительны, они похожи на стихи лирического поэта. Художник не писал драматические пейзажи, наоборот, он стремился ограничить пространство, сдержать его, заключить в раму. Один из моих любимых пейзажей – «Окно в Ла-Гуллетт», где голубая даль моря, одинокий белый парусник на горизонте, желтые цветы на подоконнике... и такой покой, такая тишина, такое умиротворение...

Квадрат окна. В горшке желтофиоль.
Снежинки, проносящиеся мимо.
Остановись, мгновенье! Ты не столь
Прекрасно, сколько ты неповторимо.

Иосиф Бродский

Тихое искусство Альбера Марке приучает вслушиваться в драгоценные паузы, которые дарит нам жизнь. Мне очень близка такая жизненная и творческая стратегия, равно как и стратегия ускользания – Марке любил уезжать к другим берегам... Он объехал полмира!

* * *

Валентин Катаев начинал как поэт и, став знаменитым романистом и драматургом, продолжал пополнять и шлифовать свой поэтический архив до самых последних лет. В этом архиве есть маленькое стихотворение «Картина Марке», написанное Катаевым в 1922-м, когда он переехал в Москву.

Мелким морем моросил
Бриз и брызгал в шляпки,
Вправо флаги относил,
Паруса и юбки.

И, ползя на рейд черпать
Пузоватый кузов,
Гнал по волнам черепах –
Черепу арбузов.

По всей вероятности, именно в этом году Катаев посетил Музей нового западного искусства (их тогда было еще два – 1-й и 2-й), увидел картины Марке и был ими пленен. Особенно ему понравилась одна, напомнившая любимый с детства одесский черноморский пейзаж, и он как человек решительный попросил знакомого художника сделать для него копию с этой картины. Живописец-копиист блестяще справился с работой, скопировав пейзаж в нарушение принятых правил один в один. С тех пор эта во всех отношениях замечательная картина висела в кабинете писателя на видном месте. А вскоре состоялось личное знакомство писателя и художника.

До начала 30-х годов, перед тем как СССР окончательно закрыл железный занавес и запер всех на самоизоляцию, у советских деятелей культуры еще оставалась возможность выезжать за границу. В 1931 году Катаев прибыл в Париж в связи с выходом его книги в издательстве «Gallimard» и, воспользовавшись случаем, посетил любимого художника в его квартире-мастерской у Нового моста. В ходе этого посещения обнаружилась общность взглядов писателя и художника по многим вопросам и завязалась их дружба. А в 1934 году в Советский Союз приехал Марке.

Вспомним, однако, что в те годы в СССР шла кампания борьбы с формализмом в искусстве, и в число чуждых и вредных направлений зачислили, по существу, все новое искусство, начиная с импрессионизма. Модернистское течение фовизм, к которому причислял себя А. Марке, советское искусствознание тоже отнесло к формализму, что, разумеется, не есть хорошо. Ну а потом, уже после войны, накатил кампания против космополитизма и низкопоклонства перед Западом, в 1948-м постановлением, подписанным лично Сталиным, был ликвидирован Музей нового западного искусства, а его коллекции распределены между Пушкинским музеем и Эрмитажем, где они надолго осели в запасниках, а если и показывались посетителям, то очень дозированно.

И все же те, кто так или иначе были допущены к коллекциям Морозова и Щукина, неизбежно попадали под обаяние и флер меланхолических пейзажей Альбера Марке, так что в своем восхищении французским художником Катаев не был одинок. Популярности, а точнее – большей разрешенности Марке в СССР способствовал активный советский культуртрегер Илья Эренбург, пытавшийся познакомить советских людей с западным искусством: через него многие люди узнавали Запад, многосложный и многокрасочный, не похожий на советский пропагандистский плакат. Где-то в начале войны Эренбург тоже посещал Марке в его мастерской, он тогда преподнес в подарок художнику русскую икону!

Итак, по приглашению ВОКС (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей) супруги Марке в 1934 приехали в СССР. Программа визита включала посещение Москвы, Ленинграда и еще нескольких городов. Следует заметить, что каких-либо особых следов пребывания знаменитого художника в советской стране – ни документальных, ни тем более живописных – нет. Однако центральные газеты освещали этот визит, и 15 августа 1934-го в «Правде» была опубликована статья Катаева «Альбер Марке» с подзаголовком «К приезду в СССР». В этом маленьком поэтическом эссе Валентин Катаев нарисовал литературный портрет своего французского друга и назвал его пейзажи гениальными. Вот как он писал о Марке: «Ведь это он научил художников передавать воду белилами. Ведь это он с необычайной смелостью ввел употребление натурального черного цвета... Ведь это он наглядно показал, что цвет – это эпитет, который может с предельной лапидарной, почти научной точностью определить качество предмета – будь то чугунная ограда Сены, буксирный пароход или куст боярышника на сельской меже». Ах, какой красивый и невесомый катаевский слог. Эссе заканчивалось словами: «Он приехал, Альбер Марке. Привет!».

На правах старого друга Катаев встречал и сопровождал французского живописца на приемах и экскурсиях. В Москве гостей повезли в Музей западного искусства, в котором заблаговременно вывесили его картины, все пятнадцать! А затем Катаев пригласил чету Марке к себе на обед в Лаврушинский переулок. Вот там-то художник и увидел «свою» картину, увидел и удивился:

«Как вам удалось ее купить? Она же очень дорогая!». Катаев все рассказал по-честному, а потом дерзко предложил: «Если копию так трудно отличить от оригинала, так подпишите ее!». И Марке согласился! Быстро сбежали к живущим в соседнем подъезде Ильфам и принесли от них краски и кисточку (жена Ильи Ильфа была художница), и Альбер Марке поставил на холсте свою знаменитую закорючку. Так появилась подписанная автором копия с его собственной картины.

Этот эпизод описан Павлом Катаевым в книжке воспоминаний с запоминающимся названием «Доктор велел

мадеру пить...». Мне кажется, эпизод очень показательный, так как раскрывает характеры действующих лиц – Катаева и Марке, – их склонность к авантюризму и импонирующее мне ироничное отношение к жизни. По версии П. Катаева, морской пейзаж, висевший в кабинете отца, дал толчок к написанию повести «Белеет парус одинокий», над которой писатель работал в 1934 и 1935 годах и затем посвятил ее своей жене Эстер Давыдовне Бреннер. Названием повести стала строка из стихотворения Лермонтова, но у книги, оказывается, был еще и живописный эпиграф. В первом издании своей повести в качестве художественной заставки Катаев «процитировал» картину Марке!

«Там, где лиман впадал в Черное море, вода была не синяя, а бурая, грязно-салатная, вспененная ветром, и где-то вдали чуть заметно двигалась лодка под наклонившимся от ветра парусом, шаланда, как подсказал папа, и я сразу же вспомнил странную, волнующую картину, живописное полотно, висевшее в папином кабинете.

На полотне была изображена точно такого же цвета водная поверхность, серый волнолом, мелкие суденышки, на мачтах которых трепыхались цветные флажки.

Конечно же, они были неподвижны, но душа не могла и не желала с этой неподвижностью мириться.

Сквозь чудовищную толщу прошедших лет вспоминаю реплики, которыми обменялись родители.

– Валя, это же Марке! – воскликнула мама, стараясь перекрыть ветер.

– А я что говорил! – ответил папа, и родители засмеялись.

Они смотрели в море и смеялись...»

Из книги Павла Катаева

Воспоминания об отце были написаны в начале 2000 годов, спустя много десятилетий после описываемых событий, и, конечно, детские образы могли смешаться с более поздними, сместиться, спутаться. Так какая же картина была у Валентина Петровича? На самом деле многим морским пейзажам Марке подошло бы название «Белеет парус одинокий». Но вот что показательно, на обложку своей небольшой книжки Павел Катаев также поместил иллюстрацию – картину Марке «Порт в Онфлере».

* * *

Ну что ж, пора вернуться к моей старой пожелтевшей книжке «Белеет парус одинокий. Хуторок в степи», феномен которой состоит в том, что когда бы я ни взяла ее в руки, она уносит меня в «прекрасное далеко», медленно и беззвучно, как в немом кинематографе, проплывающее передо мной...

Одесса всегда славилась «лица необщим выраженьем», этой индивидуальностью она в немалой степени обязана Большому Фонтану – очаровательной дачной местности, прилегающей к морю. Своей неизъяснимой прелестью этот уголок вдохновлял писателей, поэтов, художников и прочее творческое население. Помните, отец Пети Бачея снимал дачу на 16-й станции Большого Фонтана: «Тут уже каждый кусочек берега был ему известен до малейших подробностей. Большой Фонтан, Средний Фонтан, Малый Фонтан, высокие обрывистые берега, поросшие дерезой,

шиповником, сиренью, боярышником. В воде под берегом – скалы, до половины зеленые от тины, и на этих скалах – рыболовы с бамбуковыми удочками и купальщики».

Я тоже ежегодно отбывала свое пионерское лето в лагере Автосборочного завода на 9-й станции Большого Фонтана. Путь с Пересыпи, где я жила, до пионерлагеря был долгим, но, как заметил Катаев, «дорога на Большой Фонтан была полна поэзии».

В лагерь мы ехали трамваем. Тогда по Фонтанской дороге ходил удивительный красный трамвай, напоминающий открытую дачную веранду с деревянными перилами на фигурных балясинах, в памяти запечатлелось что-то ажурное и сквозное... Трамвай, звеня, медленно тянулся мимо построенных еще бельгийцами станционных павильончиков (раньше тут ходил паровозик, поэтому остановки по-прежнему назывались – станции), мимо унылых серых домов, мимо садов, мимо низкорослых дачных домиков, увитых виноградом. Можно было встать коленями на скамью, положить локти на перила и высунуть голову навстречу ветру, а в некоторых местах можно было прямо из окна сорвать с дерева листик или шелковицу! Вся прелесть Фонтанской дороги была в ее близости к морю, то скрытому от глаз, то вдруг синей полоской возникающему в окне трамвая, а где-то между 11-й и 13-й станциями море широко открывалось с дороги и от этого каждый раз захватывало дух... Морской ветер, шум волн, запах водорослей пронизывали открытый дребезжащий вагон, и от этого было так радостно, как бывает только в детстве. Этот трамвай, как и вагончики одесского фуникулера, двигавшиеся навстречу друг другу вдоль Потемкинской лестницы, я вспоминаю с особой нежностью и грустью.

Ах, Большой Фонтан! Невозможно забыть таинственные мистерии пионерских костров, самые вкусные на свете твердые неспелые абрикосы, украденные из лагерного сада под стук выскакивающего из груди сердца, тревожные томления в темных аллеях и звук пионерского горна, трубящего отбой – «Спать, спать по палатам...», но воспринимаемый как трубный зов любви. Я закрываю глаза и вижу, как дрожит полоса лунного света на поверхности моря и прожекторы сторожевых судов выхватывают из кромешной тьмы нас, сидящих на камнях... В ту пору на побережье были скалы и камни, поросшие бархатной скольз-

кой морской травой. Мне нравилось смотреть, как море колыхает туда-сюда зеленый бархат. Как сейчас вижу, будто под увеличительным стеклом, шоколадные гладкие камешки гальки, матовые, обкатанные морем кусочки бутылочного стекла, ракушки, мидии. И как сейчас физически ощущаю соленую до горечи черноморскую воду, теплую и мутную у берега, холодную и прозрачную на глубине, и раскаленный, обжигающий ступни песок – скорей, бегом к воде, туда, где песок тяжелый и влажный, и стоять на нем можно сколько угодно, и ходить по нему – приятно. Мне вовек не забыть эти скалы и синь неба, весеннюю листву и белое цветение садов, шелест акаций, тонкий аромат сирени и хрупкие, еще зеленоватые свечи каштанов, но главное, везде и над всем непреодолимо притягивающее меня море! Море, лето, детство, счастье – вот что такое Большой Фонтан!

Ассоциативная цепочка мыслей способна объединять бесконечно разные предметы и, наверное, не случайно кривая памяти увела меня так далеко: от любимой книги советского писателя до пейзажей французского художника, а от них к воспоминаниям, над которыми реет белый парус моего детства.

Катаев навсегда уехал из Одессы в двадцать пять. Вслед за ним уехали другие писатели из блестящего поколения одесситов – брат Евгений, Олеша, Багрицкий, Ильф, а еще раньше уехал Бабель. «Они все были абсолютно отравлены миром приморского города неработающего, торгующего, богатого, рыбацкого, культурного», – пишет Дмитрий Быков. И уже в другом месте восклицает: «Зачем они все уехали из Одессы?».

Прошло не так много времени – и из одесситов того прекрасного поколения авторов остался только Валентин Петрович Катаев, одинокий, как парус, но продолжающий писать.

Повесть «Белеет парус одинокий» заканчивается сценой, где художник пишет морской пейзаж (возможно, писателю пригодились здесь воспоминание того, что он видел в парижской мастерской Марке): «...вот художник набрал тонкой кистью каплю белил и в самой середине картины на лаковой синеве только что написанного моря поставил маленькую выпуклую запятую. – Парус!..».

Тель-Авив